

В.К. Романовский

«"Февраль" весь был соткан из противоречий, фатально влекших его к гибели». Н.В. Устрялов о либеральной альтернативе и ее банкротстве в 1917 году

В феврале 1917 г. после свержения царизма открывалась возможность развития России по буржуазно-реформистскому пути. Но либеральная альтернатива оказалась нереализованной, и причиной тому, согласно одной из точек зрения, существующей в отечественной историографии, стал насильственный захват власти большевиками¹. Видны ли большевики в банкротстве либеральной альтернативы? В какой мере ответственны кадеты и их союзники за движение страны к большевистской диктатуре? Каковы проекты февралистов (активных инициаторов и деятелей февраля 1917 г.), и в чем состоят уроки февральских событий? В поисках ответов на эти вопросы, которые и сегодня продолжают оставаться дискуссионными, правомерно обратиться к политической публицистике Н.В. Устрялова 1917–1918 гг., материалы которой и в наше время не потеряли научной и познавательной актуальности.

Правовед, философ, политический деятель, мыслитель Николай Васильевич Устрялов (1890–1937) – активный участник российской революции 1917 г. и других ключевых событий российской политической истории первой трети XX столетия. Накануне февраля 1917 г. он входит в круг мо-

Вячеслав Константинович Романовский – доктор исторических наук, зав. кафедрой истории и общественных дисциплин Нижегородского института развития образования, г. Нижний Новгород.

E-mail: vkroman@mail.ru

лодого поколения российской интеллектуальной элиты, состоит в кадетской партии, преподает право в Московском университете, является политическим публицистом газеты «Утро России», представлявшей интересы либерально-буржуазных кругов страны. Разделяя либеральные ценности, Устрялов вместе с тем проявляет особое внимание к государственно-патриотическим идеям П.Б. Струве.

С первых дней российской революции 1917 г. кадетский политик и публицист находится в гуще событий: в своих брошюрах и на публичных лекциях пропагандирует либеральный проект преобразования России, возглавляет калужскую организацию кадетов, стремится реализовать «февральские» задачи в провинции, участвует в работе IX и X съездов кадетской партии, Московского совещания общественных деятелей, идет по кадетскому списку на выборы в Учредительное собрание. В качестве ведущего публициста «Утра России» он регулярно освещает политический процесс в стране и, прежде всего, в столицах. В его статьях отражаются события «весенней революции», раскрывается сложная и противоречивая общественно-политическая ситуация в стране от февраля к октябрю 1917 г., анализируется деятельность политических сил и их лидеров в этот период, уделяется внимание либеральному проекту преобразования России и причинам, которые привели к банкротству либеральной альтернативы.

Февральские события Устрялов встречает с энтузиазмом и надеждой на разрешение жгучих проблем, стоявших перед Россией. Ему понятны причины и главное назначение февральской революции. Она вызвана «великой европейской войной» и неспособностью царской власти отстоять мировое достоинство родины. Правительство губило государство, «позорно проигрывало войну». Война «доказала всем негодность старого порядка». Полусамодержавная Россия не смогла справиться с теми огромными задачами, которые были поставлены перед нацией мировой войною. Революция стала «делом общенародным, всероссийским» и свершилась «с редким успехом». Царь был «свергнут прежде всего за то, что при нем страна переставала верить в грядущее торжество над внешним врагом». Революция «превратилась в патриотический символ, национальный долг» всех русских людей, стала «актом воли страны к победе»².

Каков же главный смысл революции, куда должны направляться «национальные стремления» России? В области внешней политики, считает кадетский политик, гражданам свободной России необходимо «напрячь все силы для победоносного завершения войны» и «достичь такого мира, который прочно обеспечивал бы наше национальное развитие и процветание». Цели войны остаются «неизменными». Необходимо положить конец наступательной политике Германии на Балканах, оградить Сербию от захватнических планов Австрии, обеспечить свободу русской торговли на юге, проливы должны перестать быть германо-турецкими. Революция, подчеркивает Устрялов, не изменив общего направления «нашей международной политики», окончательно превратила «противо-германскую коалицию в коалицию великих демократий». Состоявшаяся революция, по словам публициста, прибавила «новый импульс борьбы за отечество», потому что в России уже нет пропасти между властью и обществом. Русское правительство и русский народ теперь единая русская нация, которая понимает, что «война ведется *всей* Россией и победа нужна *всей* России»³.

Огромной важности задачи, по мнению Устрялова, предстоят в области внутренней

жизни страны. Им формулируются ключевые положения либерального проекта преобразования России. Необходимо «укрепить государство, создать единую и твердую власть», «положить конец разрухе». Но самое главное – настало время строительства демократической России, утверждения в ней народовластия. Россия «вступила на новый путь своей государственной жизни» и отныне, убежден автор, «народ сам будет создавать новые формы жизненного уклада, новый строй существования». Особо важная миссия предстоит Всероссийскому Учредительному собранию – «авторитетному органу народной мысли и народной воли». Ближайшая задача нации – организация выборов в Учредительное собрание, а затем в другие представительные органы власти. Выборы должны пройти на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права, которое давно уже успешно действует в европейских странах. Учредительное собрание призвано разработать «русскую конституцию», заложить основы «правового строя», «выработать новые основы исторической жизни народа» на принципах демократии. Наиболее предпочтительной для России могла бы стать парламентская форма правления, которая позволит «обеспечить участие народа не только в делах законодательства, но и в делах управления государством». Парламенту страны необходимо предоставить широкие полномочия, в том числе и право контролировать правительство. Только Государственная дума, являясь выразителем воли народной, вправе формировать правительство, которое в свою очередь должно быть ответственным перед представительной властью⁴.

Но либеральный проект преобразования России, изложенный Устряловым в авторских брошюрах, и за который агитировали он и его соратники по партии, по своему содержанию был далек от настроений основной массы населения страны. Для нее кадетские установки новой жизни были далеки и непонятны. Демонтаж старых институтов власти и нежелание Временного правительства слышать требования широких масс обостряли экономические и социальные проблемы в стране, способствовали

арастанию «левых» настроений и «радикальных» лозунгов. Уже в июле 1917 г. Устрялов с горечью признает, что «от первоначального величия нашего освобождения не осталось почти ничего». Кадетский публицист (он иногда печатался под псевдонимом П. Сурмин) убеждается, что реальная ситуация в отечестве складывается совсем не по кадетским начертаниям. Вместо февральских ожиданий по укреплению государственного порядка, консолидации нации, строительства новой власти определяющее значение приобретают тенденции негативного характера – разрушение государственности, рост классовой ненависти, ослабление патриотического духа и т. п. «Нападение бедствий не прекращается, чем дальше, тем хуже... – констатирует публицист, – ...Революция... не разрешила еще и одной из великих творческих задач, стоявших перед нею...»⁵

В условиях надвигающегося хаоса Устрялов начинает критически относиться к либеральной альтернативе своей партии и связывает спасение России уже не с демократическими институтами, а с сильной диктаторской властью. В дни выступления Корнилова публицист солидарен с ним и желает, чтобы «в нем Россия нашла своего Наполеона Бонапарта», хотя в победу мятежного генерала не верит⁶. Неудавшаяся попытка восстановления государственного порядка с помощью военной диктатуры заставляет Н.В. Устрялова более пристально присматриваться к большевикам. Над ними, пишет он, еще недавно «униженными и оскорбленными», «как будто восходит звезда исторического успеха». В сентябре 1917 г. кадетский публицист приходит к выводу: «Мы явно идем к якобинству»⁷.

В начале осени 1917 г. на страницах еженедельника «Народоправство» Устрялов, анализируя путь, пройденный Россией после свержения царизма, открыто признает: ожидания и надежды февраля не оправдались. Вместо созидательного строительства повсеместно доминируют разрушительные начала, и в этом виновны политические силы, которые инициировали революцию в условиях войны. Между надеждами и результатами революции – дистанция огромного размера. «Хотели дать указующий

урок миру, – пишет автор, – а дали устрашающий пример. Мечтали о земном рае, а создали нечто, весьма похожее на ад». Обращаясь к причинам негативных последствий февральской революции, Устрялов серьезный счет предъявляет эсерам и меньшевикам. Так называемая центристская «революционная демократия», считает он, довела государственный организм страны «до болезни позорной и тяжелой», привела к развалу армии и к анархии в стране. Эта группа людей, фактически стоящая во главе России, продолжает призывать к «миру и братству между народами», окутывать страну «призрачными политическим снами» и «бредовыми идеями». А простые люди, как марионетки, находятся во власти этих демагогов⁸.

Учредительное собрание, которому еще недавно он придавал большое значение, также подлежит его переоценке. Устрялов приходит к осознанию того, что оно в конкретных условиях не может стать творческой государственной силой, способной изменить жизнь страны. Избирательное право, по словам публициста, не стало в России «результатом сложной культуры», органического развития общества. Поэтому на выборах в Учредительное собрание «будет лежать печать исторической случайности», ибо трудно утверждать, что 70–80-ти миллионам избирательных бюллетеней «будет соответствовать такое же количество политически грамотных граждан». В подавляющем большинстве «опускание бюллетеня в урну будет не политическим актом, а физиологическим». И можно ли в таком случае считать Учредительное собрание, задается он вопросом, выразителем собирательной, коллективной воли? «Власть тьмы, – заключает Устрялов, – не есть власть демократии»⁹.

Накануне известных петроградских событий ведущий публицист «Утра России» констатирует: на фронте падает воинская дисциплина и наблюдается пресловутое «братание», в тылу фабрики и заводы в руках рабочих, крестьяне грабят помещичьи усадьбы, экономика разваливается, государство разрушается, ружье становится «лучшим политическим аргументом». Происходит, таким образом, «не демократизация,

а варваризация» России. Революция оказалась «великой силой разрушения»¹⁰.

Деятельность большевиков, пришедших к власти на волне разрушения государственной власти и экономики, оценивается Устряловым как антинациональная, деструктивная. Они «направляют внимание народа не на созидание новых ценностей, а на распределение «нищенского достатка страны». «Вместо победы, – отмечает он, – военный разгром и преддверие сепаратного мира. Вместо «Великой России» – призывы к «интернационалу» и объявление патриотизма буржуазным предрассудком... Вместо власти, покоящейся на доверии народа, – власть, покоящаяся на штыках. Вместо социального мира – классовая борьба, вместо национального единства – гражданская война. Вместо развития производительных сил – убийство частной инициативы и фактическая гибель промышленности»¹¹.

Месяц спустя после октябрьских событий Устрялов стремится проанализировать насыщенный бурными политическими событиями революционный 1917-й год. Он отмечает, что русская революция в процессе своего развития прошла ряд этапов и на каждом из них «поглощала» как Сатурн своих «детей» – героев политического процесса. Начавшись в марте 1917 г. как общенациональное движение, русская революция со временем отказывается от своей «прежней идеологии», от «мартовских лозунгов» (защиты отечества, преодоления кризиса, преобразования страны и др.) и превращается в движение «классовое по преимуществу». На первом этапе революции господствовали «вожди Думы». Они выступали с внеклассовых позиций и стали ее же первыми жертвами. На втором этапе в революцию «пришли новые люди» – социалисты. Весь характер революции «радикально изменился»: идеи классового сотрудничества сменяются лозунгами, направленными на обострение классовых противоречий. Всю пестроту и неустойчивость этого времени воплощает «роковая для России» личность председателя правительства – А. Керенского. На этом этапе революции страна оказалась «на распутье», и такое состояние не могло продолжаться долго. И снова «Сатурн поглотил свое по-

рождение»; очередные «герои» были сметены революцией. На третьем этапе революции явились опять «новые люди» со своими лозунгами и планами классовой борьбы. В стране утвердилась диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства, которая на практике вырождается, по словам Устрялова, в худший вид деспотизма, «разрушает самые основы государственной жизни» и угрожает интересам самого российского государства¹².

В статье «Уроки революции», опубликованной в марте 1918 г., он открыто пересматривает свое отношение к демократии в России. Кадетский политик заявляет, что провозглашенная на начальном этапе русской революции идея демократии («чрезмерно широко и несколько бестолково понятого демократизма»), оказалась в послефевральский период скомпрометированной и от нее следует отказаться. Ее невозможно навязать той нации, которая исторически не достигла необходимого социального и культурного уровня развития. Государственный строй страны «должен соответствовать правосознанию и уровню культурного развития ее народа». Следует заботиться не о том, как бы «перегнать Запад», «удивить собою мир», а о том, «чтобы дать русскому народу тот политический строй, который соответствует переживаемому периоду русской истории и отвечает реальным интересам русского государства»¹³.

Особое внимание обращают на себя публикации Устрялова на страницах еженедельника «Накануне», выходившего под его редакцией весной-летом 1918 г. На страницах этого издания Устрялов предстает не только публицистом, по горячим следам анализирующим события, но и мыслителем, который, продолжая традиции русской общественной мысли, старается найти в новых исторических условиях ответы на вызовы истории. В передовой статье «На перевале»¹⁴ он впервые открыто ставит под сомнение правильность кадетской стратегии и тактики на начальном этапе русской революции и обращает внимание на серьезные просчеты, совершенные февристами. Преждевременной оказалась «несчастная идея» обязательного созыва Учредительного собрания, которая в тех условиях

лишь «парализовала силы правительства», придав ему характер «временного», а не верховного государственного института. Не менее абсурдной, «роковой для России» стала идея «демократического контроля» за деятельностью Временного правительства со стороны Советов, окончательно подорвавшая в государстве «принципы законной власти». В то время необходимо было сохранить «естественный и чрезвычайно необходимый принцип преемственности власти»: IV Государственная дума, под флагом которой совершалась революция, должна была «провозгласить себя верховным и полновластным Учредительным собранием России», а созданное думой Временное правительство обязано было взять под свой контроль высшее государственное управление страной, исключив какое-либо влияние на эту сферу Советов. Но общественность по такому пути не пошла, и судьба страны оказалась в плену совершенно новых факторов и сил.

Не решив проблему преемственности власти, инициаторы революции взялись «до основания» перестраивать русское государство в условиях «небывалого военного испытания и все растущей военной усталости». Но необходимых «национальных сил для создания обновленного,.. здорового и мощного государственного организма» в ту пору не было. Выдвижение вождями революции «слишком широких целей» и отсутствие «трезвого политического чутья и малого опыта для их осуществления» привели к тому, что вместо реформирования государства началось его разрушение.

С февральских дней в российском обществе, по мнению Устрялова, доминировали две политические силы, по-разному относившиеся к государству как институту власти: с одной стороны – «государственно-мыслящие круги», которые группировались вокруг Временного правительства, с другой – «русская революционная демократия» во главе с Петросоветом, зараженная «тлетворными антигосударственными тенденциями». К сожалению, министры-кадеты «в большинстве своем не проявили ни достаточной дальновидности, ни надлежащей твердости» в отстаивании линии на укрепление государственной власти. Руко-

водствуясь идеями «близоруко понятого гражданского мира», они постоянно шли на уступки Петросовету. В результате такой политики Временного правительства российским национальным интересам был нанесен серьезный ущерб, а руководящая роль в нем перешла к социалистам.

В наступившем периоде «керенщины» и его центральной фигуре (А. Керенскому), по словам Устрялова, «воплотились все худшие стороны интеллигентской психики»: «фраза и поза вместо знаний и опыта, прекраснодушие вместо государственной мудрости, политический импрессионизм вместо политической программы». Вследствие этого и в стране, и в армии усилился процесс разложения, а престиж власти пал. Большевизм явился достойным венцом русской революции: «он довершил разрушительное дело своих предшественников, им замкнулся роковой круг злосчастной революции,.. окончательно выявлен ее лик». Таким образом, главным итогом революции стало ослабление, а затем разрушение русской государственности.

Автор вновь напоминает, что государственный строй народа вытекает из народного правосознания и неразрывен с ним. Государственный строй, чуждый народу, вреден и «заведомо обречен на неминуемый крах». Это положение особенно внимательно следует соотносить с русской действительностью. Если Россия «переросла неограниченную монархию», то «она еще далеко не созрела для неограниченного народовластия». «В силу этого, – в заключение приходит к выводу автор, – государственно-правовая идеология русской революции должна быть в корне пересмотрена в духе отказа от иллюзий чрезмерного демократизма».

Из этих негативных процессов русской революции, считает Устрялов, обществу, отечественной интеллигенции следует извлечь серьезные уроки. В русском обществе «правда государственности должна быть непрерываемо признана высшим принципом политического мирозерцания». Всей нации необходимо осознать, что «торжество государственного начала немислимо без наличия твердой, сильной и принудительной государственной власти». Фактор госу-

дарственности, разъясняет Устрялов, имеет огромное значение, ибо государство «ценно как совершенная форма национального бытия». В нем и через него воплощаются идея Отечества и идея нации, а нация есть условие развития культуры и прогресса. Твердая и сильная государственная власть необходима для сохранения Отечества и русской нации, для развития отечественной культуры и прогресса.

В статье «Судьба Петербурга» Н.В. Устрялов, возвращаясь к идее государственности, определяет главную проблему русской нации на ближайшую перспективу: «какова бы ни оказалась организация государственной власти России в результате переживаемого сейчас хаоса – ясно одно: основной задачей этой власти будет задача воссоздания великого русского государства, потрясенного и расколотого войною и революцией»¹⁵.

В годы Гражданской войны Н.В. Устрялов будет отстаивать идею «диктатуры во имя демократии» в белой Сибири, после разгрома Колчака в начале 1920 г. эмигрирует в Китай. Он признает большевиков государственниками (под знаменами которых осуществляется «белое дело»), провозгласит идею сотрудничества с советской властью и станет одним из идеологов движения сменившихся. На чужбине бывший кадетский политик не раз будет жестко и бескомпромиссно оценивать февральские события 1917 г., с которых, по его глубокому убеждению, начался распад российской государственности. «Когда вспоминаешь теперь эти нелепые, вздохмаченные, наивные дни, – откликнулся он из Харбина на восьмую годовщину февральской революции, – ощущается в душе осадок досады и грусти... Все мы, даже самые трезвые, были хоть на миг, хоть на пару дней опьянены этим хмельным напитком весенней революции. Революцию воспринимали как спасение от катастрофы... Между тем, на самом деле это и была в образе “грозы и бури” пришедшая катастрофа. Февраль весь был соткан из противоречий, фатально влекших его к гибели»¹⁶.

Итак, энтузиазм и эйфория от февральских событий у Николая Устрялова вскоре сменяются тревожными настроениями и беспокойством за то, что происходит в стране. После февраля 1917 г. по мере уг-

лубления кризиса в стране и растущей угрозы разрушения российского государства тональность позиции Н.В. Устрялова в отношении февральских событий и их последствий, деятельности политических сил и их вождей в период от февраля к октябрю приобретает все более критический характер. Материалы его публикаций, использованные в настоящей статье, позволяют сформулировать следующие заключения, оценки и уроки.

1. Кадеты инициировали революцию и вместе с союзниками (эсерами и меньшевиками) стали «до основания» перестраивать российское государство в условиях войны и «военной усталости» народа. Но национальных сил, необходимых для созидания новой государственности, не было. Серьезные просчеты кадетов в стратегии и тактике своих действий, отсутствие опыта государственного строительства, «трезвого политического чутья», твердости в отстаивании государственной линии, постоянные уступки Петросовету – все это нанесло серьезный ущерб национальным интересам страны, подрывало основы государственности. Вместо реформирования государства началось его разрушение, и прямую ответственность за это несут кадеты.

2. Либеральный проект преобразования России, совершенный и идеальный с позиции классического либерализма, не соответствовал настроениям широких масс и потому остался невостребованным. Идея демократии, ставшая основой либерального проекта преобразования страны, оказалась скомпрометированной, т. к. была навязана российскому обществу, исторически не достигнувшему необходимого социального и культурного уровня развития. Россия переросла неограниченную монархию, но еще далеко не созрела для неограниченного народовластия. А идея обязательного созыва Учредительного собрания лишь деморализовала работу Временного правительства, придав ему характер «временного», а не верховного государственного института. Либеральная альтернатива оказалась обреченной в результате отсутствия в стране необходимых социально-культурных условий и разрушительной кадетско-эсеро-меньшевистской политики.

3. После краха царизма вожди февраля сумели решить чрезвычайно важный вопрос о преемственности власти: IV Государственная дума, под флагом которой совершалась революция, должна была провозгласить себя верховным и полновластным учредительным собранием России, а созданное думой Временное правительство яло бы под свой контроль высшее государственное управление страной, исключив какое-либо влияние со стороны Советов. Но эта задача не была решена, и судьба страны оказалась в плену совершенно новых факторов и сил.

4. Ключевую роль в разрушении русской государственности сыграла «русская революционная демократия» (эсеры и меньшевики), зараженная «тлетворными антигосударственными тенденциями». Большевизм явился «достойным венцом русской революции», довершив разрушительное дело других предшественников.

5. Главным итогом февральской революции стало ослабление, а затем разрушение русской государственности.

6. Уроки февральско-октябрьских событий 1917 г. заключаются в том, что, во-первых, нельзя проводить государственные преобразования в условиях военного времени; во-вторых, вопросы укрепления государственности должны быть первостепенными для ответственного политического деятеля; в-третьих (применительно к политическим процессам постреволюционной России), какая бы власть не утвердилась в России, она обязана решать в качестве первой задачи восстановление и укрепление русской государственности, т. к. твердая и сильная государственная власть необходима для сохранения Отечества русской нации, для развития отечественной культуры и прогресса.

Ключевые слова: Н.В. Устрялов, февральские события, период от февраля к октябрю 1917 г., кризис, банкротство либеральной альтернативы.

Keywords: N.V. Ustyalov, February events, the period between February and October 1917, crisis, bankruptcy of liberal alternative.

Примечания

¹ Деревянко А.П., Шабельникова Н.А. История России с древнейших времен до конца XX в. Учебное пособие. М., 2011. С. 354.

² Устрялов Н.В. Революция и война. М., 1917. С. 1–8; Он же. Что такое Учредительное собрание. М., 1917. С. 3.

³ Устрялов Н.В. Революция и война. С. 7–9, 21–27.

⁴ Устрялов Н.В. Революция и война. С. 21, 22; Он же. Что такое Учредительное собрание, С. 3, 9, 10, 31; Он же. Ответственность министров. М., 1917. С. 2–11, 29.

⁵ Устрялов Н.В. О положении момента // Калужская жизнь. 1917. 16 июля; Сурмин П. Революция на распутье // Утро России. 1917. 10 августа.

⁶ Устрялов Н.В. Былое – Революция 1917 г. (1890–1919 гг.). Воспоминания и дневниковые записи. М., 2000. С. 140, 142.

⁷ Сурмин П. Народ и власть // Утро России. 1917. 9 сентября.

⁸ Устрялов Н.В. Товарищ и гражданин // Народопрямство. 1917. № 12. С. 16–17; Сурмин П. Ненавидящие России // Утро России. 1917. 4 октября; Он же. Закат Петербурга // Утро России. 1917. 8 октября; Устрялов Н.В. Мания величия // Утро России. 1917. 11 октября.

⁹ Устрялов Н.В. Строитель государства // Утро России. 1917. 18 октября.

¹⁰ Сурмин П.В. Строитель государства // Утро России. 1917. 18 октября; Устрялов Н.В. Диктатура пролетариата // Утро России. 1917. 21 октября.

¹¹ Устрялов Н.В. Сатурн // Утро России. 1917. 28 ноября

¹² Устрялов Н.В. Сатурн // Утро России. 1917. 28 ноября; Он же. Классы и нация в революционной России // Утро России. 1918. 3 марта.

¹³ Устрялов Н.В. Уроки революции // Утро России. 1918. 16 марта.

¹⁴ На перевале // Накануне. 1918, № 1. С. 1–2.

¹⁵ Устрялов Н.В. Судьба Петербурга // Накануне. 1918. № 1. С. 5–6.

¹⁶ Устрялов Н.В. Под знаком революции. 2-е изд. Харбин, 1927. С. 204–205.

